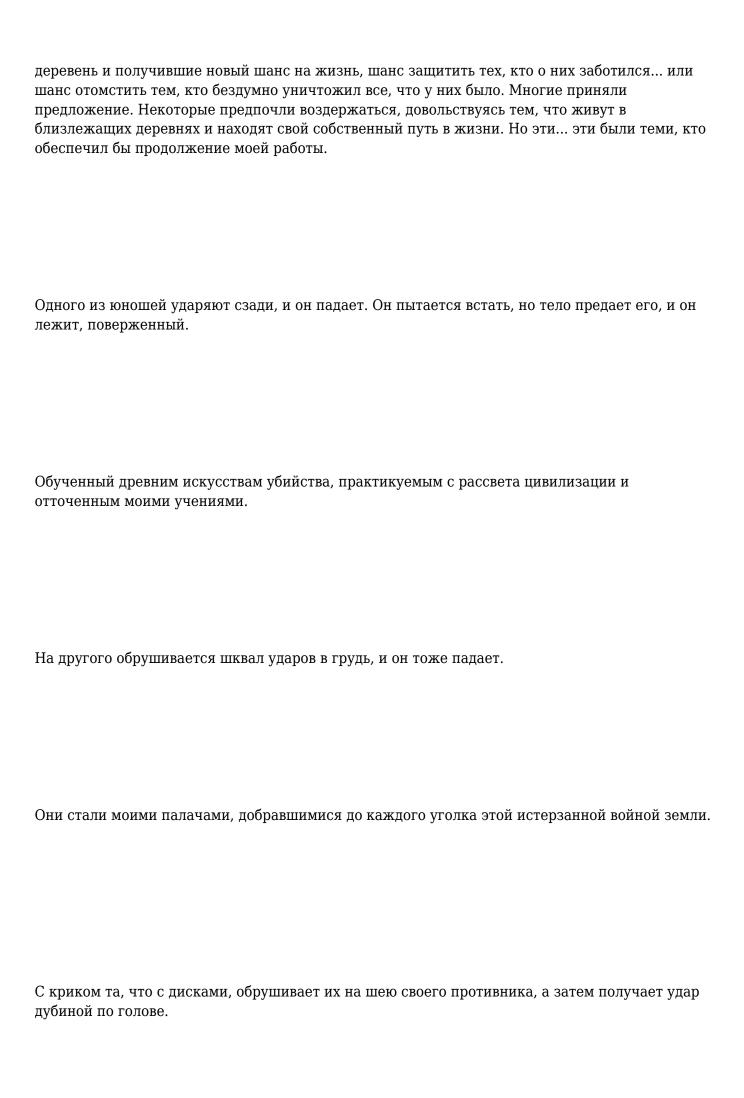
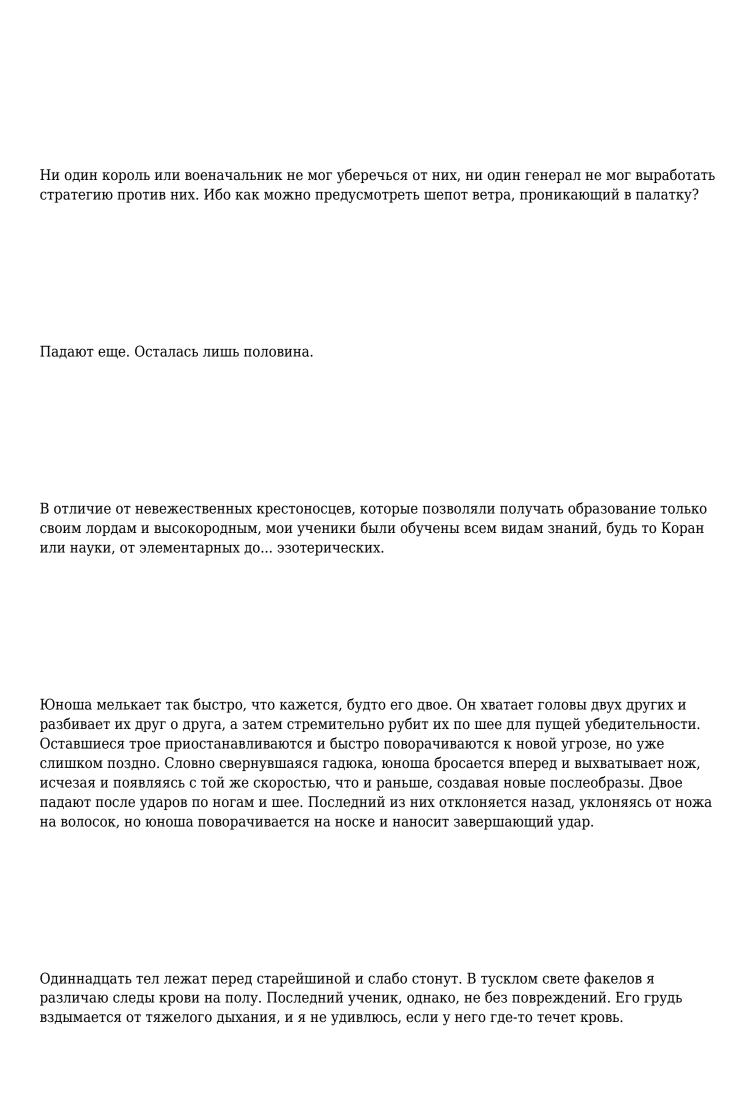
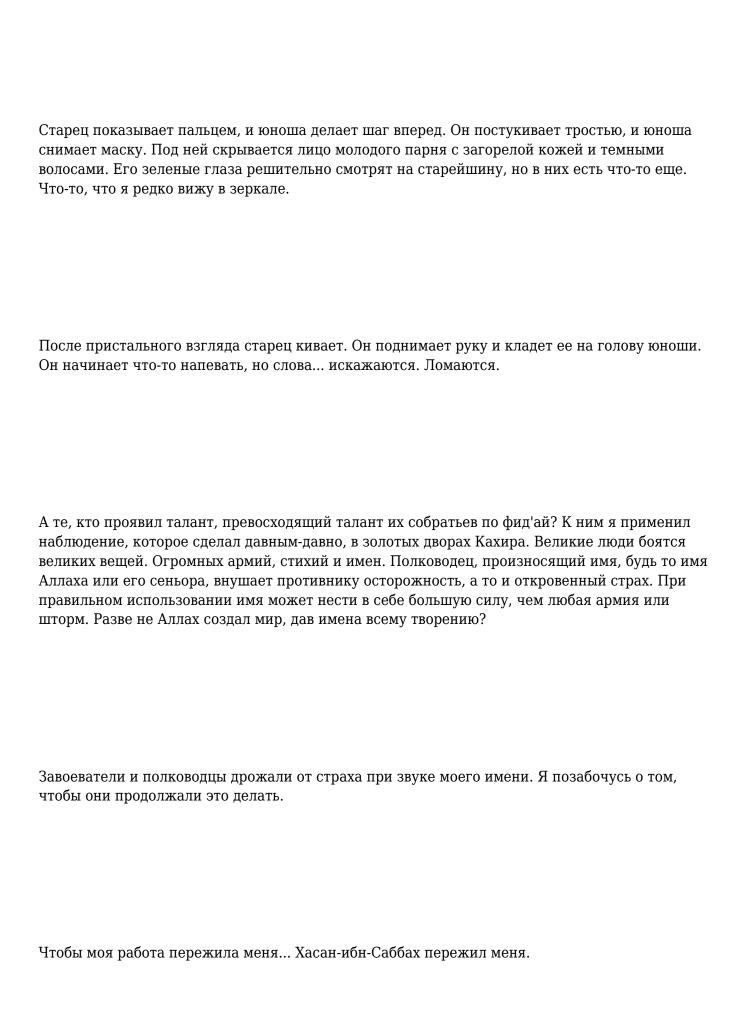
Как печально.
Я смотрю на этого человека, мудрого и почитаемого своим народом, презираемого и боящегося своих врагов, и все оказывают ему уважение, вольно или невольно. По его слову рассеивались армии, генералы исчезали в разгар битвы, короли были убиты в своих постелях. Всякий раз, когда кто-то, будь то крестоносец или солдат халифата, видел тень, мелькнувшую в углу дальних замков или крепостей, он не мог уснуть в эту ночь.
А сейчас? Его кожа покрылась морщинами. Его седая борода достигла груди. Несмотря на мускулистое телосложение, он опирается на деревянную палку. Его глаза, выглядывающие изпод капюшона, стали усталыми от возраста. Но можно было не сомневаться, что это тот же самый человек.
Не ошибитесь: жалость - это не то, что я чувствую. Совсем наоборот. Возможно, меня печалит вид того, что время делает со всеми?
В куполообразной комнате раздается стук. Старик даже не дергается. Вместо этого он отвечает знакомым глубоким голосом.
— Дахал.
В комнату входит более молодой человек в серой одежде, похожей на халат, и таком же капюшоне.
— Мавла, хум джахизун лак, — говорит он, кланяясь старцу.

Старик поднимается с кресла и выходит из комнаты, а молодой человек идет перед ним. Они спускаются по лестницам и проходят через залы, высеченные из древнего камня. Окна в стиле мечети и ветровые отверстия освещают их в сумерках, а по залам гуляет легкий горный ветерок. Вдалеке слышны голоса людей.
Они уходят в глубины замка, и солнечный свет больше не освещает им путь. Только факелы отбрасывают жуткие тени на стены. Вскоре старец и юноша подходят к большой деревянной двери, на которой вырезаны молитвенные надписи.
Я больше не могу отрицать этого. Я чувствую, как время подтачивает мое тело. Скоро Аллах призовет меня в свои ряды, и мой народ, который я отдал все свое существо, чтобы защитить от стервятников, облепивших этот край, останется беззащитным, созревшим для захвата. Я должен был сделать так, чтобы этого не случилось. Чтобы мое наследие и дальше удерживало врагов от завоеваний.
Ответ на мою дилемму был очень прост.
Сильным толчком двери распахнулись, открывая просторную полую камеру. Тусклые свечи окольцовывали стены, тени мерцали на холодном каменном полу. В углах и на ободах стояли стеллажи, на которых хранилось всевозможное оружие. Книги, свитки и другие предметы заполняли деревянные полки и накрытые столы. Перед ними стояла дюжина молодых мужчин и женщин, разного роста и цвета кожи, в капюшонах и темных одеждах. По бокам у них были пристегнуты ножи, а некоторые держали мечи и дубинки. Один даже держал пару круглых дисков. Это были воины, без сомнения.
Но белые маски на их лицах выдавали их истинную сущность.
Молодой человек отошел в сторону, и вперед вышел старейшина. Он встал перед юношами, и они молча поклонились ему как один.

Как у Мухаммеда были свои ученики, так и у меня. Взятые из трущоб и разграбленных







http://tl.rulate.ru/book/100266/3501941